

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**Места здесь
ТИХИЕ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Николай Леонов

Места здесь тихие

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Места здесь тихие / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2023 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-193875-8

В Подмоскowie бесследно пропала известная бизнесвумен Лера Паскевич. Она поехала с крупной суммой наличных в экзотическую глушь заключать контракт на покупку отеля и вскоре перестала выходить на связь. Прочесавшие местность полицейские нашли только фрагменты ее машины. Полковники МВД Гуров и Крячко предположили, что женщину чужими руками устранил муж, чтобы завладеть их совместным бизнесом. Немного погодя выяснилось, что Лера – не единственная «богатенькая дамочка», сгинувшая в этих краях. До нее здесь пропали еще две женщины и тоже с приличной суммой на руках. Лев Гуров недоумевает: неужели разгадка кроется в царящих здесь жестоких древних обычаях?.. Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193875-8

© Леонов Н. И., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Иванович Леонов, Алексей Викторович Макеев

Места здесь тихие

© Макеев А. В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Туман, красный туман стоял перед глазами, застилая монитор. То ли давление подскочило, то ли она, женщина разумная, хладнокровная, осатанела как последняя хабалка.

«Спокойно, спокойно. Нет смысла разбивать оргтехнику, это не поможет. Однако... что, черт подери, он возомнил о себе, пустышка небритая, мускулистая, без- мозглая?! Я как дура ношусь с его тупым клубешником, все силы, деньги на него трачу, а он там, за океаном хреном машет? Теперь еще и деньги требует, каково? И на что?!»

Она взяла себя в руки, произнесла мягко, проникновенно:

– Уточним кое-что. Я не отказываюсь выдать эти деньги, но хочу знать, на какие цели они пойдут.

«Врать он не умеет и не станет, мозгов не хватит... но Саша, Саша, хотя бы теперь соври. Пусть будет на адвоката, на залог!»

Однако врать он не умел и не стал.

– Прости, я не могу сказать. Просто поверь, что мне срочно нужно два миллиона триста семьдесят три тысячи. Срочно, Лера.

«Ведь своими же руками вытащила его с гор в Москву, отмыла, выбрила, с нужными людьми свела, из всех компотов выручала... да что там! Только моя заслуга в том, что он, добросовестная посредственность, получил заокеанский контракт, заиграл не где-то, а в столичной забугорной команде. Кем бы ты был без меня, Профессор? Сашкой Номер Два?!»

– Ты отказываешься сказать, на что тебе эти деньги. Я отказываюсь их давать, – отчеканила Лера.

– Послушай, это же все-таки мой клуб.

С издевательским сожалением и уже утомленно Лера принялась объяснять:

– По факту этот клуб давным-давно не твой. Подбор игроков, сохранение тренера без повышения выплаты по контракту, выход в плей-офф – все это мои, не твои заслуги. Сейчас в структуре есть лишь один человек, который заключает сделки и доводит их до завершения. И это я.

– Да, ты гениальный менеджер. Но владелец-то я, – попытался встрять он.

– Владелец тот, у кого средства.

– Судя по твоим отчетам, мы в плюсе. Выдели деньги.

– В жизни, Сашенька, всегда приходится чем-то жертвовать. Я, например, жертвую своим временем, занимаясь не тем, что интересно. Мне хоккей твой ни в одно место не впился, равно как и этот клуб. А ты чем жертвуешь?

– Ты утверждала, что интересно...

Стоит ли удостаивать ответом эту наивную ремарку? Лера и не удостоила.

– Теперь, прости, у меня иного рода планы, более близкие мне по духу, да и перспективные. Самосовершенствование, духовные практики, коррекция судьбы... согласишься, это куда выгоднее, нежели все ваши глупые скольжения по замерзшим осадкам. Я подумываю о том, чтобы подать в отставку. Буду заниматься своим проектом.

Так, или гуляет цветопередача на мониторе, или на Атлантике шторма, но, по ходу, на этой вечно небритой наглой морде проступают, наконец, желаемые эмоции – смятение, бешенство. Точно. Задело за живое. Вот он уже шепелявит сквозь выбитые зубы:

– Лера, ты моя жена. Занимайся чем хочешь, а прямо сейчас перешли мне два миллиона триста семьдесят три тысячи.

– Я склонна дать отрицательный ответ. И насчет жены. Я полагаю, что после всех этих пикантных историй... ну, ты понимаешь. Нам лучше развестись.

Он вспыхнул, но промолчал, играя желваками, буркалами волчьими поблескивая. Ответил вежливо, по-свойски:

– Развод? Хорошо, старушка, как скажешь.

Настала пора Лере скрипеть зубами, напоминать себе, что:

...Руки сейчас пока коротки, и все равно он никуда не денется, вернется в Россию. Некуда ему податься.

...Пусть сейчас не дотянутся до него, она отыграется, непременно, уж будь спокоен. Обратно в аул свой отправится, с одним чемоданчиком и парой портянок.

...И пусть прямо сейчас аж сердце заходится, как охота видеть его, – ничего. Она человек состоявшийся, самодостаточный, и брак этот – не более чем шутка, прихоть...

«...Вот уже десять лет как первой красавицы. Лера, опомнись. Можешь сколь угодно убеждать, что на этот-то раз любят ради тебя самой, честнее признаться, что нет, не любят».

Пора заканчивать, да поскорее. Есть масса проблем, куда более важных, и решать их надо немедленно, без соплей и сантиментов.

Лера демонстративно глянула на часы, уложила в сумочку телефон, портсигар. Выдержав паузу, нарочито небрежно, неторопливо и сухо произнесла:

– Оставим, мне некогда. Как прилетишь, дай знать, мой адвокат тебе позвонит, – и собралась уж было дать отбой.

Как тут дрянь эта, Сан Саныч, ноль беззубый, прошепелявил вдруг громко и уверенно:

– ...И раздел имущества, само собой?

Нет, она сдержалась, не разоралась, не плюнула в эту самодовольную, кривоносую, щетиnistую рожу. Просто и даже кротко спросила, что именно он имеет в виду, висельник и голодранец.

– Как это что? Раз ты так ведешь разговор, то мои «БМВ» и пятьдесят процентов в клубе. На твою хату и прочий хлам я не претендую.

Это на что он рот свой щербатый разевает?

Клуб полудохлый купил он, это правда, но и он же, стоило разразиться очередному кризису, уже через полгода сдристнул в НХЛ на выгоднейший контракт. Лишь Лериными усилиями клуб не просто пережил все потрясения и санкции, но и в гору пошел. (А ведь те, кому не так повезло с менеджерами, поклячбив госсубсидии и ничего не получив, с облегчением обанкротились.)

– Ни копейки.

– Милая, так дела не делаются. Мы муж с женой, у нас все общее.

Ох, не нравилось Лере, как он говорит. Только что истерил и скандалил, а теперь голос звучит уверенно, спокойно, по-деловому.

«Что задумал? Что за план «Б» он включил? Только что умолял, клянчил – и на тебе... Разыгрывает как по нотам некий неведомый сценарий».

– Что же у нас общего-то, Шурик? – ласково, проникновенно спросила она. – Положим, машина приобретена во время брака...

– Не приобретена, Лера, – напомнил он, – это мне подарок от главы республики как олимпийскому, помнишь? Это мой-личный-автомобиль.

Она сделала вид, что оглохла.

– ...Хотя с учетом того, что ты по одну сторону океана, я по другую – можно поспорить. А вот полбизнеса. Прости, ширинка не лопнет?

– Я поууже шагать буду, – пообещал он, дернув ноздрями.

«Единственное, в чем я дура: брачный контракт так и не подписали, теперь будем судиться до второго пришествия. Как же Гарик не вовремя к праотцам отправился... подвел».

Лера глянула на часы, теперь уже не нарочито. Пора выезжать, девушка нервничает, как бы не передумала, а то ведь уплаченное не вернешь уже. А эту мразь беззубую можно и по возвращении разъяснить.

«Только спокойно, Лерка, спокойно. Он дурак, он блефует».

И, окончательно взяв себя в руки, она пообещала, что в ближайшее время «поговорим» – слово это было произнесено особым тоном, каким взрослая женщина сулит головомойку сопляку-мужу. Действовало всегда, но теперь ожидаемого эффекта не было.

Дурак Сашка, который всегда был как на ладони, теперь представлял собой закрытый на все замки шкаф под два метра, и что там, за дверью антресолек – неведомо.

«Налог уплачен – никуда она не денется. Немедленно внести задаток втихаря, чтобы исключить общность имущества... и немедленно искать адвоката».

Вроде бы все под контролем, но что-то идет не так. Эта мысль пульсировала в голове, разбухала, занимая все пространство под нарочито небрежной прической, и туманила мозг, нудила, нудила, нудила...

Александр Радаев по прозвищу Профессор, капитан «Нью-Йорк саккерс», обладатель Кубка Стэнли, олимпийский чемпион, перестав вызывающе улыбаться, потер натруженные аж до судороги лицевые мышцы. Прикрыл ноут и несколько минут сидел, приходя в себя. Так, еще одному браку конец. До слез обидно разочаровываться и в ней, казавшейся кремнем, стеной, надежным тылом без обмана. В любимой разочаровываться, по которой сох еще сопляком, глядя на ее выкрутасы на льду. Неужели и вправду подыскала конька на месте? Потому и разговаривает так, как никогда не говорила ранее.

Это, надо полагать, и есть самый сильный и неожиданный удар судьбы, но он сдюжит. Не такой прессинг выдерживали. Александр взял телефон, набрал номер.

– Брат, здорово. Поговорили, заказ подтверждаю. Только вот с деньгами... все карты у меня заблокированы... блин, да ты что?! Вот спасибо. Но ты не дрейфь, за мной не пропадет. Обнял.

Глава 1

Был задан возмутительный вопрос, и тихое семейное утро воскресенья потеряло безмятежность.

– Лева, у тебя, случайно, нет знакомого юриста?

Лев Иванович, прилагая титанические усилия, чтобы сохранить нейтральное выражение, поднял глаза от газеты. О, женщины! Достоинства супруги бесспорны, но иной раз она страдает отсутствием чуткости.

– Что-то я не понял, а я уже не котируюсь?

Мария, мастерски уничтожая следы несовершенств, ей одной видимых, задиристо глянула поверх зеркала, успокоила:

– Да котируешься ты, еще как – но лишь в своей сфере.

– Объяснись, – потребовал супруг, аккуратно складывая газету.

– С чего это? – удивилась жена, приостанавливая священнодействие. – Объясняться, вот еще!

– Ну поясни свои резоны...

– Пояснять свои резоны – значит признать, что у меня их может и не быть вовсе, а это оскорбительно. Ты чего, разобиделся? У каждого свое амплуа. Я же не дуюсь, что мне давно не предлагают роли тургеневских девиц.

Гуров продолжал ждать ответа, молча, глядя строго прямо.

– Ой, ну ладно. Разжую до каши, для особо обидчивых и одаренных. Моя знакомая предлагает долю в деле, мне оно кажется интересным, перспективным. Нечто вроде хобби и задела на пенсию...

– Начинается.

– ...И все-таки, – невозмутимо продолжила Мария, сделав вид, что ничего не слышала, – так юрист знакомый есть?

– Начинаю понимать. Имеешь в виду корпоративный?

– Мне все равно, как его кличут. Нужен человек, который в состоянии не просто клацать наручниками...

– Вот спасибо.

– ...А вникнуть в факты, документы и на пальцах объяснить, все ли там так гладко, как хотелось бы мне, – завершила супруга свою мысль. – Итак, спрашиваю в третий раз, теряя терпение. Есть или нет?

После некоторой паузы Гуров выдвинул встречное предложение:

– Сделаем по-иному. Ты расскажешь вкратце, о каком предприятии речь, и только после этого я тебе выдам отличного адвоката самого подходящего профиля. Идет?

– Так и быть, не плачь, – утешила жена, возобновляя косметические манипуляции, – встретились на мероприятии с Лерой Паскевич, разговорились, она предложила войти в пол-доли ретрит-отеля...

– Санатория для артритных? – попытался уточнить Гуров.

Мария, четко артикулируя, повторила:

– Ретрит. Это когда все идет не так, достало, не клеится, и надо удалиться в затвор, под сень чего-нибудь, предаться медитациям и размышлениям. Переосмыслить житие свое. Просветиться.

– Вот оно что. Так, кто такая Лера Паскевич?

Жена, придавая безукоризненный изгиб шикарным ресницам, бросила на него искоса удивленный взгляд:

– Вот не будь ты моим любимым, хотя и слабоумным супругом, послала бы тебя в интернет. Ну не ври. Или в самом деле хочешь сказать, что не знаешь Паскевич?

– Понятия не имею.

– Лера?

– Нет.

– Фигуристка, мастер спорта, бывшая телеведущая, спортивный менеджер? Невест сколько лет – первая красавица ТВ?

– Глуп, туп, каюсь. Потроши и уничтожай дальше.

– Да нет, когда супруг не ориентируется в красотках – это не плохо, – заметила жена, протягивая ему планшет:

– А если так?

Одного взгляда на фото этой блистательной шатенки – со сверкающей улыбкой и обманчиво наивным взглядом прозрачных, чертовски умных глаз – для освежения памяти оказалось достаточно. В свое время это личико красовалось вообще на всем, от рекламы контрацептивов до предвыборных плакатов.

– Если это Паскевич, тогда знакомы практически лично, лет сто как. И что же предлагает? Гербалайф или сразу тренинг «Как нагнуть вселенную»?

– Шути, шути, – разрешила Мария, – есть в тебе все-таки это мужское шовинистическое баба – дура, штык – молодец. Лера – это не просто ноги, бюст и глаза, но и отменные мозги.

– Что ж, подобное притягивает подобное, – прямолинейно, но искренне польстил муж.

– При всей моей любви ко мне должна признать, что как минимум ни вязать, ни в макраме я не умею – в отличие от Леры.

Уточнив на всякий случай, одинаково ли они понимают слово «макраме», Гуров удивился – ничего себе хобби у ТВ-красавиц и прочая, – с уважением протянул: «Вот это да-а-а», – и, помолчав, продолжил:

– Допустим. А между прочим, ты по каким делам с ней познакомилась?

– Да так. Снималась несколько раз для рекламы ее прежнего бизнеса.

Что-то в ее интонации не так было, и Гуров осторожно уточнил, каком именно. Негодница не моргнув глазом невозмутимо призналась:

– Гей-клубы.

Муж возмутился:

– Да что за новости такие?! Когда?!

– Успокойся, – хладнокровно велела Мария. Она завершила творить лицо и теперь придирчиво изучала ногти, – давно, давно, в лихие девяностые. Ну, у каждого свои слабости, а Лера любит деньги и понимает, что на чужих страстях их проще всего заработать. Не переживай, с тех пор с пошлостями покончено, – твердо заявила Мария, – зато подружился и по праздникам созваниваемся. И теперь у нее даже благородный бизнес, любимое детище – хоккейный клуб, поднятый из руин. Теперь, если ты уже подостыл, могу ли я продолжать?

Он разрешил.

– Итак, по сути. Места сказочные: относительно недалеко от Москвы, но на достаточном удалении от крупных шоссе. Уединение и спокойствие, масса атмосферных достопримечательностей с историей...

– Ну да, чушь с историей всегда лучше продается, нежели та же чушь, но без истории.

– В точности, – едко отозвалась Мария. – В качестве одной из составляющих уникального торгового предложения Лера упирала как раз на леса и болота, которые прямо кишмя кишат местами силы, чудо-камушками и прочей душистой чепухой. Настоящая запретно-тайная Финляндия, только под Москвой.

– На фоне подъема внутреннего туризма вполне многообещающе.

– Кстати, да.

– И что же вы собирались, походы водить?

– Можно было бы заделать глэмпинг, поставить дорогие палатки, пафосные, с удобствами. Это для начала, но Лера берет покруче. Видишь ли, в тех краях как раз имеется бывшая турбаза «Шужкопа», при ней какие-то графские развалины, с одичавшим парком, огромным озером и прочим в том же духе. В советское время, когда были живы деревни, там вроде бы была база отдыха, потом что-то министерское, кажется, санаторий.

– А теперь?

– Трудно сказать. Сама усадьба развалилась давно и окончательно, на останках базы отдыха то ли платная рыбалка с баней, то ли этнографическая деревня – я не поняла пока. Сейчас, она мне пересылала.

Обычные развалины, коих хоть пруд пруди. От главного дома остались фрагменты фасада и пара колонн – причем стойкое ощущение, что их использовали для игры в пейнтбол, все раздолбано до последнего предела. Какие-то постройки – то ли флигеля, то ли конюшни – казались более или менее обитаемыми. Остатки кирпичной стены, которая ранее отделяла усадьбу от мира, развалины водонапорной башни и фонтана, когда-то красующихся посреди двора, к которому съезжались, надо полагать, кареты, по сезону – сани, запряженные тысячными рыскаками.

От базы отдыха тоже немного осталось: несколько почтенных домиков-шалашей с замшелыми крышами и деревянными верандами, которые в свое время пользовались бешеным спросом у развеселых студенческих компаний. В таких домиках, снимаемых вскладчину на выходные, отменно выпивалось.

– А вот озеро и рыбалка, – пояснила Мария, запуская видео.

Тут тоже было внушительно.

Хозяева усадьбы, канувшие в Лету, наверняка выписывали каких-нибудь особенных архитекторов, которые не спали ночами, чтобы придумать, как должны изгибаться берега этого созданного природой и усовершенствованного человеком водоема так, чтобы обычное озеро казалось бескрайним. Оно и сейчас таким кажется: берега, пусть и оползшие кое-где, все еще воображают о себе, перетекая один в другой и изгибаясь так, что противоположной стороны не видно. Таинственности в этом вопросе придает и густой туман, который по вечернему времени стлался по воде, размывая очертания. На берегах наведено несколько мостков для рыбаков, на одном как раз сидел какой-то любитель вечернего жора.

– Выглядит крайне аппетитно, – признал сыщик, – как это ты говоришь, атмосферно. А как это место называется?

– Я ж говорю: Шужкопа, это в переводе с этнографического почему-то означает «Волчья Яма». Сто лет назад бывала я в тех краях, на съемках...

– Наверное, красивая природа, – признал Лев Иванович. – Сомнения насчет строений. Уж больно заброшено, сплошные развалины.

– Так мы и снимали битву под Москвой. Можно устраивать реконструкции, сдавать под съемки, реконструкции – все заработок. К тому же имеется нечто песочно-нерудное – карьеры, карьеры, тридцать тысяч одних карьеров. Тоже, кстати, прибыль: закончатся туристы – так можно и песочком промышлять.

– Не преувеличивай. Так, а если карьеры, то откуда такие туманы?

– А там еще и торфяники есть, прямо под горку. Вот, глянь, красота какая. Как раз для экомаршрутов и наблюдений за всякой болотной тварью...

Ну уж красота. Вниз ухает дорога чуть не под девяносто градусов, а внизу уже густой туман, и по обе стороны от шоссе – топи и болота.

– Отличное место для Баскервиль-холла, – заметил сыщик, улыбаясь, – прямо на сердце потеплело.

– Да уж, живописно, и рельеф разнообразный, – со знанием дела подтвердила супруга-актриса. – При нужном ракурсе можно заснять что угодно, от пустыни до горных ущелий.

– И ехать никуда не надо для супершикарного селфи, – вставил Лев Иванович.

– Точно. Хорошо мыслишь, Гуров. Развалины, конечно, кого-то могут огорчить, а у иных сойдет за антураж, таинственность. Зато сплошная природа, без разного рода идиотизмов и коттеджных поселков.

– И Лера решила, что это именно то, что надо для разочарованных дамочек, уставших от всего.

– Ну, в этом на нее можно положиться, – заверила Мария. – Чутье у нее на выгоду – это раз, и компетенция в области разочарований – это два. К тому же, насколько я поняла, она как раз переживает вероломство очередного мужа...

– Которого по счету?

Жена показала язык:

– Не нагличай, всего-то второго.

– Что натворил?

– Тебе-то что за дело?

Гуров, поразмыслив, признал, что в самом деле никакого и что лично против Леры он ничего не имеет.

– Только представь, сколько можно брошенных, забытых и состоятельных собрать на ретрит, при правильном-то подходе, – мечтательно протянула Мария. – И риска никакого, это же не санаторий, не медицинская помощь, а так – йога, походы по природе, аутотренинг на тему «сами виноваты». Ну, Гуров?

– Что ж, не возражаю. Пока, – подчеркнул Лев Иванович, вынимая визитку, – вот тебе юрист. Вот как пообщаешься с обоими, так по итогам и примем решение.

– Сколько согласований, – поддразнила жена. – А если речь идет о моих личных средствах?

– Тем более если речь идет о твоих деньгах. Не могу же я позволить тебе умереть в нищете, – объяснил муж. – Женская интуиция – это хорошо, но и адвокат не помешает.

Мария изобразила смирение:

– Как скажешь, мой повелитель. – Она глянула на визитку. – Личман Сергей Юрьевич... это что же, тот самый?

– Без подделки, стопроцентный, – заверил он, не особо вникая в то, что имеется в виду.

– Отлично! – Она глянула на часы, заторопилась. – Как раз через час встречаемся с Лерой. Она вроде бы туда намыливается, то ли на пристрелку, то ли уже аванс вносить. Передаст мне документы, какие есть, – и я тотчас свяжусь с этим... кхе, Личманом. Не с пустыми руками же вести разговор.

Гуров, кивая, подал жене плащ: «Ничего, пусть поиграется. Главное – успеть предупредить Личмана, пусть на день-другой пооткладывает встречу, а там, глядишь, сама остынет. Существо она увлекающееся, и в этом проблема. Не хватает прочей головной боли, так подай ей бизнес на брошенных и усталых, да еще посреди болот в графских развалинах. Неплохое начало для триллера».

– Будешь поздно? Приготовить что?

– Не знаю, когда буду, но готовь.

Как только дверь затворилась, Гуров тотчас звякнул Сергею Личману и, обрисовав ситуацию, попросил посодействовать. Не нужен семейству этот бизнес-проект, пусть эта, как ее, Лера сама разбирается.

Весьма удачно выяснилось, что, во-первых, адвокат уже в курсе всего, и во-вторых, Гурову беспокоиться абсолютно не о чем. Он так и сказал:

– Прошу вас, господин полковник, даже не беспокоиться. На этот раз не выгорит у Леры, порошу не хватит.

– Откуда такая уверенность?

Было слышно, как Личман удивился:

– Помилуйте, Лев Иванович, как же... И совершенно новый проект, требующий рук, нервов и дензнаков, и развод. Либо то, либо другое, а все сразу даже Лера не потянет.

«Развод? Ах, да». – Гуров вспомнил слова жены, а адвокат продолжил выдавать на-гора цеховые тайны:

– Наше сообщество не дремлет, пол-Москвы на низком старте, гадаем: кому такой-то жирный кусман достанется? Паскевич – дама не просто умная, но и щедрая. Если желаете знать, ее прежний адвокат двоих ребятишек в Гарварде за ее счет выучил.

– Где же прежний?

– А. Так он скончался уже, старенький был. Между тем без адвоката ей не обойтись. На стороне мужа тяжелый, непростой мальчик, с мозгами, пусть и хорошо маскируемые.

– Это кто ж таков? Тоже телезвезда?

Сергей позволил себе драматическую паузу:

– Сан Саныч Радаев, он же Профессор.

– И?... – помолчав, подбодрил Гуров.

– Знаете такого?

– Судя по кличке, очередной в законе.

– Хоккеист-олимпионик, – деликатно продолжил напоминать Личман, – звезда НХЛ, капитан «Нью-Йорк саккерс»?

– Нет.

– Который отказался играть в радужном свитере и других подбил идти в отказ? И в итоге загремел в тюрьку за шпионаж с изнасилованием?

– Сергей, история по-своему захватывающая, – признал Гуров, – но честно признаюсь: буквально только что супруга таким же манером перечисляла титулы женской половины этого дуэта. Отвечу тебе так же: понятия не имею, кто это. Давай ближе к делу, что там?

– Если вкратце: муж в свое время выкупил за символическую плату свой первый хоккейный клуб, ныне банкрот, потом грянул кризис – и Радаев улетел за океан, деньгу зашибать. Получил Кубок Стэнли, на минутку...

– Еще короче.

– Лера, оставшись за менеджера в клубе, вошла в раж, а поскольку наполовину ничего она делать не умеет, то ее стараниями там появились такие тренеры и игроки, что клуб вышел в этом году в плей-офф.

– И это очень круто, насколько я могу понять. И что же?

– А то, что вышел конфликт, и теперь дело уверенно идет к разводу.

– На почве чего?

– Лев Иванович, любая женщина, даже умная – это прежде всего женщина. Не думаю, чтобы Лере понравилось, что ее супруг, ее же стараниями отправленный за океан, присел там за изнасилование, к тому же, по слухам, несовершеннолетней...

– Нормальная бы не поверила, – заметил сыщик.

– Возможно. Но у них с мужем разница в возрасте около пятнадцати лет, с ее стороны, конечно.

– Ага, он что, минимум геронтофил?

– Это не извращение, а уже тренд, Лев Иванович, – деликатно указал Личман. – К тому же всем бы выглядеть, как Лера в свои очередные восемнадцать. Но, зная Паскевич, рискну предположить, что основной корень бед – в деньгах. Наверное, не определились, кто больше в дом несет. Вы говорите, супруге вашей она бизнес на ретрите предлагала?

– Да, вроде бы это слово.

– Возможно, и по концепции разошлись, – предположил адвокат. – Лера еще по молодости по разным тибетам скиталась, теперь, видимо, решила на этом заработать.

– И кто же ее осудит, ловко, – подхватил Гуров. – Главное, чтобы мою собственную жену в это дело не впутывала.

– Прогнозирую: грядет долгий и кропотливый процесс, и с учетом того, что он за океаном в тюрьге, а она тут – можете себе вообразить волокиту.

Лев Иванович слабо себе представлял эти сугубо адвокатские страдания, но из вежливости признал, что да, имеет понятие. Личман подвел итоги:

– В общем, не беспокойтесь. В ближайшей перспективе у Леры будет на что потратиться нервами и деньгами и без новых проектов. Не до того ей станет.

Распростились.

Успокоенный, Гуров вернулся к приятному кулинарному труду, размышляя на философские темы.

«Да уж, на всякого мудреца довольно простоты. Бедная Лера, надо же так промахнуться. Жаль мне тебя, старушка. Окажись на месте этого Профессора Сан Саныча какой-нибудь тип старой закалки – заплакал бы и ушел с одним чемоданчиком, а тут не так, времена не те...»

И тут вернулась Мария. Злая и расстроенная, и от бывшего утреннего воодушевления не осталось и следа.

– Что, не встретились? – спросил муж, помогая снять шубку.

– Представь себе! Взяла и запропала, гадюка! Ждала ее битый час, потом начала звонить, так абонент – не абонент. Несерьезно.

«Что ж, вот и славно», – порадовался Лев Иванович, но все-таки заметил, изображая терпимость, доброту и объективность:

– Заболела, мало ли, или проблемы семейные.

Жена фыркнула рассерженной кошкой:

– Семейные! Наверняка муженек прилетел-таки из-за океана – ну и помирились, хорошо, если не прилюдно.

– Интригует, – признал Гуров, – даже зависть берет. А просвети, пожалуйста, муж у нее кто?

Мария, подняв брови, глянула недоверчиво, точно заподозрив издевательство. Супруг кротко заметил:

– Ты же не будешь мне пенять, что я и в красавцах не ориентируюсь.

Жена молча протянула смартфон.

– Ах, этот.

– Знакомы?

– Кто ж его не знает, икону стиля и мечту дантистов. Погоди, только сколько же ему лет?

– Вот это как раз неважно, – заметила Мария со значением, – разве можно задавать такие вопросы мужу Леры Паскевич?

– Хорошо, – легко согласился он, – пусть их, не маленькие, разберутся. Давай к нашим баранам: денежки остаются в кубышке? Вопрос с капиталовложениями в развалины снят?

– Снят, снят, успокойся, – утешила Мария не без язвительности, – не стану же я связываться с этой внезапно неуравновешенной... Нет, ну передумала, пожалела, что предложила, – ну скажи по-человечески, а то так, просто пропасть... так.

Она прищурилась, уперла руки в боки:

– Надеюсь, не ты приложил лапы к этому возмутительному демаршу?

– У меня железное алиби: я готовил ужин и ждал любимую жену, – заверил Гуров. – Пошли докажу, у меня все на столе.

Глава 2

С возрастом Гурова все чаще начала посещать мысль о том, что в суевериях что-то да есть. Не предопределенность, само собой, но, может, народные мудрости в какой-то момент взяли и перешли из количества в качество. В любом случае стоило задуматься о том, не послать ли все это к черту и не отправиться ли на рыбалку... это Мариино видео с одиноким рыбаком на мостках уж такое аппетитное... да, так вот стоило размечтаться об удочке, тишине и легкой ряби на воде, как судьба сыщицкая подкладывает такую жирную свинью, что уже не до того, чтобы душить рыбу.

– Ясное дело, примета есть примета, – веско заявил Станислав, прихлебывая, – вот я пример приведу. Иду с пакетами из магазина, захожу во двор – и прям под ноги кошок черный, облезлый. Думаю: вот верил бы я в приметы – тотчас бы какая-то беда приключилась...

Он замолчал, откусил от пирога и принялся тщательно пережевывать.

– И что, продолжение будет? – напомнил о себе Лев Иванович.

– И все. – Крячко пожал плечами. – Порвался пакет, и вся снесь на земле. Бутылку красного игристого Наталье с таким трудом отыскал – и вот, все в канализацию. Стало быть, приметы работают.

– Логика – страшная вещь, Стас.

И все-таки, как говорят некоторые, в мире «что-то есть».

Только завершили обсуждение предпочтений в области рыбалки – какой где лох идет на опарыша и не проще ли купить его живым весом у оператора пруда, чем просиживать на берегу без гарантий результата, как Верочка неделикатно прервала мужской разговор:

– Пойдемте, господа полковники, настало время удивительных историй.

Станислав не без подозрения спросил, каких именно, и получил заверение, что самых захватывающих, да еще и с кинопросмотром.

Честная Верочка не солгала.

Генерал Орлов, раздраженно указав на стулья, точно мебель в чем-то провинилась, ворчал и разбирался с пультом от телевизора. Секретарша деликатно подсказала, что искомое «кино» на самом деле надо смотреть на компьютере, начальник обрадовался:

– Вот и славно, ты и запусти.

Верочка, пожав плечиками, подчинилась и, установив мышку в такое положение, что промахнуться по кнопке «Play» было невозможно, покинула кабинет.

Прошла таинственная заставка с таинственными буквами, телеведущий с загадочным выражением на пухлой физиономии вещал:

– ...Олимпийская чемпионка, телеведущая, эффективный спортивный менеджер, счастливая жена – все это и многое другое перечислять слишком долго и бессмысленно. Реши она заказать визитки, то на ней двух слов было бы достаточно... Валерия Паскевич.

Бывают же совпадения. Вот оно, проклятие рыбалки.

Станислав, с предысторией этого имени и фамилии пока не знакомый, заинтересованно глядел на экран, на котором разворачивалась очередная пустая, но красочно рассказываемая история.

Все тут было: говорящее название «Волчья Яма» («И почему я совершенно не удивлен?» – подумал Гуров), загадочные болотные туманы, корявые деревья, которые так и тянули из марева свои узловатые ветви, и маячившие в дымке живописные развалины. Так и напрашивался под все это вой какой-нибудь собакообразной болотной твари и английский рожок.

Многочисленно шагали под загробную музыку неизвестно чьи ботинки, и кто-то невидимый хрустел снегом по кустам. Маячило перед камерой пустынное шоссе, ухающее резко вниз, в яму стоячего тумана.

Некие личности с лицами невнятными или замысленными травили традиционные байки с общим смыслом: не, ну места тут тихие, а то, что иной раз пропадает кто, так это в пределах нормы, болота, леса – бывает, мол.

Гуров скучал. Сколько можно? Вот сколько существует кино, столько будет существовать и это переливание из пустого в порожнее с дерготней за нужные ниточки в нужный момент. Дерг – и губки у публики трясутся, дерг – и уже слезки наворачиваются на глаза, дерг-дерг – и уже до утра неохота в уборную идти в одиночку.

А Станиславу нравились и программа, и красавица Паскевич. Хоть он и верный супруг, но тут справедливость требует признать, что Лера – особенно если возраст ее учесть – просто огонь. К тому же по картинке вырисовывалось, что вот эта самая неотразимая, роскошная женщина без следа пропала на шикарном авто (новехонький серебристо-голубой «БМВ-икс шесть», госномер С 777 СР – 177), причем совсем недалеко от Москвы, не более семидесяти километров на север. Трагедия! Не могло это не вызывать сочувствия у опытного сыщика, человека по умолчанию отзывчивого и совестливого.

Кадр сменился, при пляшущих свечах замаячила инфернально растрепанная дамочка, которая, тараща глаза, обведенные жирным черным, вещала замогильным голосом: «Вижу! Вижу ее, томящуюся за решетками, вокруг множество людей в белом, ей мучительно больно и одиноко, она постоянно вяжет и распускает узлы...»

Пока ничего интересного на экране не показывали, Гуров отвлекся на размышления: «Значит, на самом деле пропала Лера Паскевич, вот так-то. Постой, сыщик, а когда они с Марией собирались встречаться? Вроде бы конец ноября, если не путаю... так и есть, где-то так. Мария тогда помчалась на встречу, воодушевленная, довольная, и быстро вернулась, мол, Лера пропала, на звонки не отвечает. Возможно, что уже не могла ответить...»

Потом на экране возникла другая – уже не дама, а скорее особь женского пола, от выпивки и разочарований любовных припухшая, шамкая, поведала, что отродясь такого не было, а вот как только буржуи к власти пришли, «так и вот, пожалте».

Станислав скис, это зрелище ему не особо интересно было.

– Кошка бросила котят, и куда только правительство смотрит, – пробормотал он, – хотя ничего так, захватывающе снято.

Орлов бросил на него красноречивый взгляд, полковник счел за благо не блистать более остроумием, а погрузиться в происходящее. К тому же там, на экране, разворачивалось душещипательное.

На экране возник другой экран, и на нем же – немалых габаритов детина лет двадцати пяти или чуть больше, облаченный дорого и элегантно, но заросший волосом под глаза. Заметно пришепетывая – ибо с передними зубами у него вышла недостача, – он глухо вещал о том, что их счастьем активно противились абсолютно все, и сколько пришлось преодолеть им на пути к взаимопониманию... и, наконец, прерывисто вздохнув, закрылся огромными ладонями: простите, мол, говорить не могу.

– Это что за страдалец? Сынуля? – полюбопытствовал Крячко.

– Муж, – просветил Лев Иванович.

Станислав чуть поперхнулся, но признал, что да, биологически и не такое возможно.

Передача между тем перешла в эндшпиль, ведущий, вдохновленный и полупрозрачный, риторически взывал к небесам о справедливости и деликатно недоумевал, за что получают деньги соответствующие органы. Генерал поморщился, как от зубной боли – надоевшей, но в целом уже привычной:

– Далее и так все понятно. – И, глянув поверх очков, нашел-таки кнопку, правда, не остановки, а паузы.

Теперь красавица Лера Паскевич, застыв, смотрела с экрана с некоторой укоризной. Господа полковники же смотрели на командование и ожидали дальнейших указаний.

Глава 3

– Сюжет относительно свежий, – заговорил наконец генерал, – и по этому поводу уже было поручение руководства, отряжена и отработала группа, взято на контроль и прочее в том же духе. Первичные действия завершены.

– Разумеется, безрезультатно, и план «Перехват» результатов не дал, – на всякий случай уточнил Станислав.

Орлов ожег его взглядом поверх очков:

– Иначе к чему вас-то кликать? Ближе к делу.

Орлов достал из ящика стола бумажную карту, глянул с подозрением – не скажет ли что «молодежь», не обсмеет любовь старого сыскаря к творениям генштабовских топографов. Однако «молодежь» сидела ровно, смотрела прямо и слушала внимательно. И генерал, поправив очки, взял остро очиненный карандаш:

– Признаться, я бы не стал поднимать этот вопрос. Однако я тут поработал немного и выяснил, что некрасивая ситуация с пропажей Паскевич имеет предысторию. Возможно, имеет. Буду рад, если вы мои сомнения развеете.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Молчали и подчиненные (это и понятно, любое поручение должно вызреть, прежде чем свалиться на голову).

– В общем, похоже, что Паскевич – это уже третья пропавшая при сходных обстоятельствах. Просто два других случая не такие громкие и тихонько спущены на тормозах.

– Кто б сомневался, – вполголоса сострил Крячко, не шевеля губами.

Орлов скинул очки на кончик носа, Станислав придал себе вид смирный и придурковатый. Генерал отвел горящий взгляд, продолжил:

– Итак, повторяю. Валерия Паскевич – случай третий и самый громкий. За последние годы, по моему впечатлению, имели место аналогичные...

Орлов бережно, чтобы потом стереть можно было, не повредив драгоценную реликвию, очертил продолговатым овалом зону, захватив часть шоссе и прилегающие территории, щедро раскрашенные зеленым. Тут же имели место прерывистые и сплошные синие линии, зубастые линии с подписью «Пес.», причудливые силуэты, напоминающие фигурки из тетриса.

– Леса, болота различной проходи-мости и карьеры, отличные места для «Зарницы». Что вот это за строения? – поинтересовался Станислав. – Поселок, село?

– По данным карты – поселок карьера «Волчья Яма».

– Или Шужкопа, – вполголоса добавил Гуров.

– Что, знакомые места? – поинтересовался генерал.

– Да так...

– Ну, хорошо, как знаешь. Поселок – не поселок – не могу сказать, карта старая, советская, что там теперь – поселок или пустое место, я не ведаю. Что рельеф отметил – хвалю, потому-то я и взял именно эту старую карту, чтобы наглядно продемонстрировать именно его.

– Да, рельефчик такой себе, – согласился Крячко. – Болота, леса и карьеры, скорее всего, уже выработанные, а то и затопленные. Места уединенные и невеселые, особенно если, скажем, пробить колесо или ввечеру встать на обочине. Не то и похуже – вообще улететь в кювет.

– Да, но учти, что, по сводкам ДПС, в этом районе за последний год сообщений о происшествиях, угонах и прочем не зафиксировано, – заметил генерал.

Лев Иванович, изучая карту, рассматривал знакомое обозначение: «Вот ты какая, Шужкопа. Нечего сказать, умиротворяюще. Что ж, стало быть, эти края умница Лера расхваливала как места, самые располагающие к этому... ретриту. Так-то, если оставить в сторонке подозрения генеральские, места в самом деле приватные, уединенные и тихие, настоящее Средиземье, Пошехонье или что там...»

– Теперь данные по оперативной обстановке. – Генерал вынул из сейфа еще несколько листов. – Это для полноты и понятности картины.

Неясно, что имел в виду Орлов, но из предложенных сводок не следовало вообще ничего. Пусто. Некому буяннить. Единичные случаи – из серии сугубо деревенской, типа бытовой мордобой, попытки похищения перепелов и причинение укусов цепной собакой – были зафиксированы в радиусе пятидесяти километров от очерченной местности.

– Я так полагаю, ближайшее отделение милиции примерно на таком же расстоянии? – уточнил Крячко.

– По крайней мере, все протоколы составлены отделением, которое расположено в ближайшем райцентре, это порядка одиннадцати километров от места.

– Тихие места. Ходить бы по грибы-ягоды, а то и с ружьишком побаловаться... – кивнул Станислав. – А кстати, интересно: охотники наверняка должны быть, в таких-то угодах. Оружие есть, а конфликтов нет. Только, Петр Николаевич, не совсем улавливаю – к чему это? Что же со случаями пропаж, которых «больше»?

Он вопросительно глянул на коллегу:

– Лева?

– Да, присоединюсь, пока материал вызывает лишь недоумение, – согласился тот.

– Я вас ввожу в курс по оперативной обстановке. Она самая умиротворяющая, – невозмутимо пояснил генерал и вынул еще порцию бумаг. – Теперь ориентировки. Так понятнее.

Это были две папки, со стандартными листами и со стандартным текстом, фиксирующим стандартную беду: ушла из дома и до настоящего времени не вернулась.

– Томина Елена Антоновна, шестьдесят девятого года рождения, вдова. До того она вернулась обратно после разрыва с любовником в свою квартиру, где и так места было немного, поссорилась с совместно проживающими родственниками и двадцать первого ноября двадцатого первого года уехала, собрав вещи и сбережения.

Генерал сердито пошевелил бровями:

– Заявление подали аж три месяца спустя.

– Чем же объяснили неторопливость сию? – поинтересовался Гуров.

Генерал был лаконичен:

– Тридцать один квадратный метр жилой площади, лишь одна смежная комната из трех, трое взрослых, трое детей, плюс извечный конфликт тещи и зятя.

– Бухали на радостях, – вставил Крячко.

– Утверждают, что сочли: уехала, мол, мама для воссоединения с родичами на Орловщине, давно грозилась. Однако случайно выяснилось, что податься ей не к кому, все скончались.

– Ну, а как мама съехала, небось тотчас ремонт затеяли в ее комнатке-то? – как бы между прочим спросил Станислав. – Наверняка в той самой, единственной смежной?

– Не ищи легких путей, – посоветовал Орлов не без юмора, – мама ютилась на кухне. Которая после отъезда так и осталась нетронутой.

Гуров, открыв протокол осмотра, чуть не присвистнул, успел лишь по губам хлопнуть себя самого:

– ...А там!

– Что, что? Кровь-мясо? – с любопытством подбодрил Станислав.

– Ну извини, совсем не по инструкции получается. Нет ничего, похожего на следы биологических жидкостей, борозд на полу от сведенных судорогой пальцев.

– Брызг крови и мозгов на обоях тоже? – требовательно спросил Крячко.

– Как и было сказано, не будет тебе легких путей, – заметил друг и коллега, – напротив, все благостно до приторности. Вся кухня увешана не только полочками-кастрюльками, а сплошь иконочки, образочки, свечки, ритуальные колеса, фатимьи глаза и аюрведические

веники. Я так понимаю, мама прямо с кухни шла к истине, причем одновременно всеми путями.

– Тебе-то что за дело? – спросил генерал не без сарказма.

– Никакого, – не стал спорить Лев Иванович.

– Насколько я понимаю, на фоне всего обнаруженного приняли разыскную версию о том, что пропавшая без вести Томина на фоне личной драмы и конфликта с родственниками уехала с отчего дома добровольно и не желает сообщать о своем местонахождении, – предположил Крячко.

– Именно, – подтвердил Гуров, – вот в этой сфере все по писаному, по инструкции. Разрыв радикальный; как раз выяснилось, что она, уходя, даже телефон свой бросила.

– Цел? – тотчас спросил Крячко.

– Представь себе, разбила. Сим-карты, что интересно, в нем не было. Интересная деталь, обычно нервные и престарелые дамы осторожны и такого рода поступков не совершают.

– В самом деле, решительный разрыв. Возможно, осознала, что нагрешила аль приняла печать антихриста? – предположил Станислав. – Так, а братья-сыскари, само собой, тотчас диагностировали вступление в нетрадиционную религиозную секту, положив в основу дедукции обстановку и вещички, в кухне-кеleyке обнаруженные?

– В точности, профессор, – подтвердил Гуров, сверившись с бумагами.

– И тут же имеется момент, – подал голос Орлов. – Кондуктор тамошнего единственного автобуса, сорок третий маршрут, будучи опрошенной, признала в фотографии Томину.

Он сделал паузу (да, маленькие слабости к эффектам присущи и большим людям).

– Сошла эта женщина на остановке по требованию, как раз на Волчьей Яме или, как Лева утверждает, Шужкопе. Остановка называется куда проще, «Турбаза». – И постучал карандашом по карте.

Глава 4

– И что? – осторожно спросил Крячко.

– Как это что? – удивился Орлов. – Ну глаза разуй, сыскарь, глянь на карту-то, я что, просто так тут разрисовываю?

Лев Иванович поспешил на помощь:

– Стас, это ближайшая остановка общественного транспорта к нашему бермудскому огурцу.

– Ах, это, – спохватился Станислав, – каюсь, не уловил сразу.

– Ничего, с первого раза бывает, дальше будет легче, – пообещал Орлов. – Вот вам другого рода фигурант. Красочный, вы оцените. Золий Оксана Сергеевна, год рождения две тысячи первый, передвигалась на собственном автомобиле... возьми, читай сам.

Станислав взял папку, прочитал, присвистнул:

– «Ровер Эвок». Неплохо для двадцатилетней деточки. Разумеется, сама заработала?

– Не отбивай хлеб у налоговых инспекторов, – напомнил Лев Иванович, – излагай, а то с твоими остроумными ремарками до утра не управимся.

– Ладно, ладно, – отмахнулся коллега. – Итак, двадцать первого ноября двадцать второго года, оставив малолетнюю дочь на попечение няни, она же соседка по коммуналке...

– Что?! – переспросил Гуров, полагая, что ошибся.

– Ну чего неясно? Золий Оксана, «Ровер Эвок», коммуналка, двадцать лет. Не отбери хлеб у моралистов и проповедников нравственности, – не без удовлетворения отомстил Крячко. – В общем, умчалась в неизвестном направлении, посулив, что скоро будет. Род занятий предполагал такие отлучки, но есть обстоятельство: деточка жила не по средствам, брала кредиты и займы.

– И в местном ОВД успокоились на том, что товарищ Золий просто смылась от кредиторов? – уточнил Гуров.

Станислав пожал плечами.

– Несмотря на то что дамочка из сферы сексуальных услуг исчезла на пару с автотранспортом? И оставила ребенка?

– Держи, сам смотри. – Крячко протянул папку.

– Не хочу.

Стас, хмыкнув, продолжил:

– В общем, соседка – старая дева, самоотверженная, бездетная, готова за новую дочку глотку порвать, так что о пропаже заявила лишь месяц спустя. Со ссылкой на то, что бывало и подольше, чего ж нет. Говорит к тому же, что Золий эта немного того... ну, любила истории рассказывать. Вечный, почти горьковский сюжет: подзаборная девка до пенсии рассказывает подружкам, как молодой зарубежный принц на белом коне метал под ноги ей бриллианты и яхты, зовя в принцессы, а она – нет, и все тут.

Гуров все-таки взял папку, просмотрел бумаги: протоколы обыска комнаты, фотографии... Пусть коммуналка, но обставлена с претензией на дизайн, никаких бабушкиных люстр и фикусов, зато над уголком для завтрака висит некая доска, к которой густо прищиплены какие-то вырезки, фотокарточки, лозунги. И в центре – сама Оксана, вальяжно опираясь на блестящий, нежно-розовый «Ровер» с нарочито не по ГОСТу сделанными номерами.

– «Ксю Три Семерки». Ни меры, ни вкуса. Ничего себе у нее грезы. Это у нее доска для визуализаций, – зачем-то и неясно для кого пояснил Станислав.

Генерал лишь бровями дернул: мол, тебе-то откуда известно, господин полковник? Гуров усмехнулся, завладел лупой командования, принялся изучать детали. У товарища Золий оказалось множество желаний, и разнообразных, почерк красивый, и русским языком владела она

вполне сносно: сумка «Хермес», часы «Бреге», соболиная шуба, поездка в Лондон, отпуск на Мальдивах, миллион долларов – все это было визуализировано путем вырезания картинок из блестящих журналов. И лишь основной заказ – на высокого, красивого, обеспеченного, холостого олигарха – был оформлен целиком в письменной форме.

– «Я забуду Петра. Я буду встречаться с женщиной, который будет меня любить, уважать, поддерживать». «Я съезжу с любимым на Мальдивы». «Цель к концу года – миллион долларов». «Куплю отдельную квартиру на Остоженке»... о, вот оно, перечеркнуто: «Хочу «Ровер Эвок». Розовый!» – цитировал Станислав. – Желания четкие, конструктивные, сформулировано толково. Любопытно только, сколько бы ей пришлось работать не покладая ног.

– И главное, ни слова о ребенке, – заметил Гуров, – а эти бумажки... что за шизофрения?

– Не скажи, – возразил Крячко. – Знаешь, сколько таким образом правильно мечтают о великом. А ребенок – это такая малость, каждый может.

– Давайте ближе к делу, – призвал Орлов. – Оставим в покое отдельные девиации – и к основному.

Генерал очертил карандашиком перекресток на пересечении с бетонкой А-107, первой после МКАДа:

– Тут последняя камера, и тут же транспорт Золий был зафиксирован в последний раз. Следующая камера стоит уже на пересечении с третьей бетонкой, А-108, и на ней машины уже не было.

– Между этими двумя камерами всего-то шестьдесят километров, – заметил Гуров, прикинув расстояние.

– Это да, и ответвлений много. – Орлов поскреб подбородок. – И разумеется, можно свернуть на любой на выбор. К тому же, насколько я понимаю, этот «Ровер» типа внедорожника?

– Ну так. А GPS? – спросил Станислав. – Когда машины дорогие, должны же быть какие-то средства отслеживания.

– И снова молодец, – одобрил генерал. – Однако тут какой-то казус: оказывается, это не постоянная услуга производителя, а по подписке. Пробный период прошел, Золий ее не оплатила – ну и определение местонахождения отключено.

– Это для нее отключено, а по запросу органов?

– Ну так сам и запроси у производителя, это в Англии, направо от Ла-Манша, – предложил Орлов, – и послушай, что тебе ответят. И так, последний раз автомобиль зафиксирован на перекрестке бетонки А-107 и Рогачевского шоссе. Изучение камер, расположенных в этом районе далее, ничего не дало, ДТП не зафиксировано, то есть где-то на этом отрезке, между двумя кольцевыми дорогами, запропал и автомобиль, и сама Золий.

– Да тут и искать нечего, – съязвил Станислав, – всего-то площадью с Люксембург.

– Есть идея насчет оставить в покое девиации, – подал голос Гуров, – если позволите, не стоит оставлять. Это общий момент, помимо направления движения.

– Что имеешь в виду?

– Я имею в виду, что у обеих этих фигур, помимо личной неустроенности, специфическое восприятие действительности, – пояснил Лев Иванович. – Пусть и по-разному, но обе, безусловно, уверены, что могут сказку сделать былью. Пусть одна обвешивает помещение квазисвятыми, а вторая – своим, хотелками, мысль-то одинаковая.

– Согласен, – кратко ответил Орлов.

– Томина забрала сбережения, а у Золий если не наличные, то машина дорогая, – задумчиво отметил Станислав. – Тоже, знаете ли, момент объединяющий. И к тому же дата, обе пропали, насколько я понял, в один день с годичной разницей.

– Это много, но далеко не все. Кстати, бравые сыскари хотя бы примерно выяснили, куда конкретно все эти дамы могли путь держать? – спросил Лев Иванович.

Орлов погрозил пальцем:

– Ты хитрый старый жук. Все на блюдечке подай, а ты только умные выводы делать будешь да аналитикой страдать. Неизвестно, куда направлялись они, – исключая указания камер и кондуктора автобуса, конкретики по месту и цели нет. Но вектор-то ясен? Определенно. Пожалуй, это еще одно объединяющее обстоятельство. Да! – как бы спохватился он. – Если следующий вопрос: что там такого, в тех краях, эдакого, притягивающего дамочек, разочарованных в действительности...

Гуров удивился. Орлов улыбнулся:

– Что, хочешь оставаться сфинксом для руководства? После стольких-то лет совместной работы? Итак, на вопрос о том, что в лесах-болотах тамошних эдакого имеется, – это сами ройте и начинайте лучше тут, в цивилизации. Даже не надейтесь сориентироваться на месте и на то, что дело сие на одну трубку: в тех краях глухие зоны, телефоны не берут, интернета негусто.

– Ну... – с шутовским разочарованием протянул Крячко.

– Вот тебе и ну, – поддразнил Орлов. – По-твоему, почему речь о вас зашла? Все, что могли эти, которые на «ты» с GPS и прочей нечистью, уже сделали. И окрестности, разумеется, прочесали с волонтерами и собаками. Увы, без результатов, хотя и, как вы сами понимаете, снегу по горло, но нет, ничего не отыскали. И все-таки лично я почти уверен, что именно тут пропали эти две...

– Три, – уточнил Гуров. – Паскевич забыли.

– Само собой, три, – согласился генерал, – красивое круглое число. Ты молодец, что Паскевич вспомнил, ибо ее, как персону известную, держит на карандаше общественность, да и не только. – Он указал пальцем в потолок. – Так что давайте докапываться до сути. Материалы забирайте, еще раз просмотрите свежим взглядом, покумекайте, наверняка что-то и упущено. О результатах анализа доложить. Дня два на планы построить хватит?

Сыщики заверили, что да, уложатся.

– Вот и добре, послезавтра жду.

Глава 5

Масса времени ушла на то, чтобы изучить материалы по пропавшим женщинам и неопознанным трупам. К тому же в районе их, пропавших, было, как оказалось, куда больше, в том числе и в тех краях. Но многомудрый Крячко вернулся с уловом.

– В целом и так все было понятно, что ни фига не понятно, – заметил Станислав, откидываясь на спинку кресла.

Несмотря на то что изначально он плакался, что в ориентировках потонет и не выплывет, не просто выплыл, но с добычей.

– Чутье и нюх у меня собачьи, и интуиция зверская, – мрачно заявил он. – И ассоциации со зверьем вполне извинимы.

– Почему? – вежливо поинтересовался Лев Иванович.

– А вот сейчас сам увидишь, – посулил друг. И, уточнив, проглотил ли господин полковник то, что во рту, выложил на стол неаппетитные бумаги.

Крячковскую деликатность Гуров оценил моментально, очень хорошо, что во рту ничего не было. Невозможно нормальному человеку смотреть на подобные фото и не почувствовать желания вытошнить все съеденное и выпитое. Речь шла о коллекции скелетированных останков неустановленных лиц, обнаруженных в лесу охотниками и грибниками.

– Что ж их так много-то, господи...

– А ты погоди, Лева. Много-то, оно, может, и много. Пожалуй, вот эти. – Станислав, видимо, сжалившись, убрал с глаз долой почти все фото, оставив лишь две. – И есть серьезные основания полагать, что это наши с вами клиентки.

– Почему ты так решил?

– Методом исключения: только у этих имеются на сохранившихся тканях следы рваных ран, напоминающие зубы хищного животного, – пояснил Крячко, обводя карандашом соответствующие места. – Вот, сам смотри.

– Томина пропала в двадцатом, Ксю Три Семерки в двадцать первом – с чего так хорошо сохранились ткани?

– Оба фрагмента – с торфяников.

– Прямо там, в Шужкопе, или что там в Волчьем?

– Не совсем. Однако радиус вполне допустимый – не более пяти километров, если в центре оставить эти самые горы. Смотри сам.

Станислав, открыв карту, обвел толстым пальцем примерно соответствующий радиус.

– Видишь? Этот отрезок зажат меж дорог, имеются пьяные пути и удобные перекрестки, где легко налететь на патруль. Согласен?

– Абсолютно.

– Если бы ты сам захотел кого припрятать с концами, то не стал бы выезжать на дорогу, рискуя быть остановленным. Так?

– И это в целом справедливо.

– Не просто справедливо, а единственно возможно, – твердо заявил Станислав. – Эти останки покусанные найдены именно в пределах, ограниченных дорогами, – это раз, и рукой подать именно до этой Волчьей Ямы – которая, как бы то ни было, единственный населенный пункт в данном квадрате, – это два...

– Населенный ли?

Крячко вздохнул:

– Думаю, что кем-то да населенный. Лева, не мне ж тебе напоминать: где люди – там и трупы. Редко так бывает, чтобы труп был, а населенных пунктов в округе не было. И заметь: судя по следам, это не лисы, не енотовидные собаки, не мыши...

– Да, крупноваты следы, – согласился Гуров, – хотя не исключено, что растянулись от времени, разложения.

– Может, ты и прав.

– Или собаки...

– Ага, а псам-то что делать вдали от населенных пунктов да помоек?

– Ну не волки же там, – усмехнулся Лев Иванович. – В Подмосковье?

– Я не биолог, я не знаю, – признал Стас. – Но факт остается фактом: из тех неопознанных останков, которые найдены в очерченном квадрате... или огурце, если угодно, во-первых, только эти два рядом с интересующим нас населенным...

Гуров поднял палец:

– Предположительно.

– Хорошо, пусть... пунктом, во-вторых, только они имеют такие вот отметины, сходные с отверстиями от зубов крупного хищника, возможно, собаки.

– А остальные?

– Нет, ничего подобного, на них вполне обычные, мелкие пакостные отрывы, характерные для лис, мышей, ворон. Ну, ты понял.

– Само собой, с идентификацией не заладилось, – заметил Гуров, просматривая бумаги. – Предположительно, женщины, предположительно, от двадцати до пятидесяти, не исключено, что не старше одного-двух лет.

Станислав развел руками:

– Ну, извини, чем богаты.

– И все-таки я бы сказал, наличествует некоторое вольное допущение, нет? – спросил Гуров.

– Так и началось-то именно с допущения, с версии. Всему начало – не более чем орловская версия, – возразил Станислав. – Интуиция, она у сыщиков не дремлет. Особенно у старых. Стал бы я, скажем, копать, если бы не руководство – мало ли что накопишь, и самому придется разгрести. Куда как легче и спокойнее предположить, что в пропажах виноваты кривое дорожное полотно, лоси на дорогах, резкие спуски, повороты или там туманы болотные.

– Было бы неплохо, но Томина-то передвигалась на своих двоих.

– Ну а Золий...

– ДТП редко проходит незамеченным.

– Справедливо. А может, там по этим дорогам вообще никто не ездит – вот и не сигналият.

– Станислав, ты фантазируй, но не очень. Где это в Подмосковье дела такие творятся – дорога есть, а по ней не ездит никто?

– Вот, может, тут и в самом деле имеет место эдакая аномалия...

– ...Ориентированная исключительно на мистически настроенных дам, которые бегут с деньгами и дорогими машинами непонятно куда, не уведомив родственников.

– Маньяк?

– Хорошая версия, но вряд ли все объясняет. Маньяки – это очень удобно, на них что угодно списать можно. Голова, как говорится, предмет темный и исследованию не подлежит, – заметил Лев Иванович. – Но это оставим на крайний случай. Давай пока опираться на факты. Переопросить разве близких? Родные, связи-контакты?

– Хорошо.

– Кроме Паскевич, ее я себе забираю, по личным причинам.

– Само собой, – ухмыльнулся Крячко. – Ты, таки-да, имеешь вкус.

– У меня личные мотивы и свое видение конкретно этого случая, – невозмутимо парировал Гуров. – И нечего намекать на всякое.

– И что, какое видение? – поддел Станислав.

– Хотя бы то, что я в курсе, куда Паскевич направлялась. Есть у меня версия, причем вполне внятная.

– И куда же?

– Именно в Волчью Яму. – Гуров не без удовольствия наблюдал, как вытянулось лицо у коллеги. – Что, эффектно?

– Не то слово.

– Неохота снижать впечатления, но не могу не признаться старому другу – у меня был козырь в рукаве.

– Это какого же плана?

– Как раз в конце ноября супруга сообщила, что Паскевич предложила ей войти в пол-доли, отельный бизнес на слезах брошенных дам и на их неврозах, санаторий для ретритных...

– И ты позволил? – осторожно уточнил Крячко. – Я просто так, для себя, уяснить.

– Я сделал все, чтобы помешать, – заверил Лев Иванович. – Не надо недооценивать мои умственные способности.

– Ах, да... ну извини. И что же?

– Так вот, они должны были встретиться, Паскевич – передать документы, Мария – получить их, чтобы потом посоветоваться с адвокатом. Однако встреча сорвалась, поскольку Лера просто пропала с радаров и так и не вышла на связь. Пока все ясно?

– Кристально, – заверил Станислав. – Надеюсь, ты рук своих умелых к пропаже Леры не приложил.

Гуров заверил, что нет. И продолжил:

– Сама же Лера, по словам Марии, должна была в этот же день отправиться в те края, то ли на переговоры, то ли уже внести аванс.

– Кому?

– Честно говоря, без понятия, – признался сыщик. – Скорее всего, если там все лежит в развалинах, то рискну предположить, что усадьба в частной собственности как не имеющая исторической ценности. Ну а турбаза что? Груда хлама на дрова.

– В какой день предполагался вояж?

– Это не помню. Но можно и уточнить.

– Так. А как ты считаешь, при ней-то были наличные?

– Рискну предположить такое.

– Неразумно. Женщина, одна, с крупной суммой.

– Однако если вспомнить, какой это медвежий угол – без интернета и прочего...

– Логично. Паскевич ваша, насколько можно судить, женщина решительная и предусмотрительная. Вот так договоришься с кем-то с пылу с жару, а потом эдак ах, мобильный банк не пашет. В это время клиент и передумать может.

– Прибавь к тому, что Лера – не Томина, передвигалась на хорошей дорогой машине, – напомнил Гуров. – И есть как минимум еще один момент с Лерой, который не может не настораживать. Перед ее отъездом имела место приватная, но крупная ссора с мужем.

– Тот самый, который похож на сына? – уточнил Крячко. – А ведь в кино показывали, что муж безутешный. А он, стало быть, подлец коварный.

– Читалось искреннее горе, – согласился Гуров, – но вот адвокат Личман, который в курсе всего происходящего...

Станислав двусмысленно пошутил:

– Друг семейства?

– Адвокат, который в последнее время перешел исключительно на разводы и разделы имущества, – невозмутимо поправил Гуров. – А что? Почтище, чем уголовщина, к тому же и гонорары больше. Так вот, Личман совершенно уверенно утверждает, что ссора зашла далеко, до развода.

– И, я так понимаю, делить было что?

– Разумеется.

Станислав поскреб подбородок.

– Ну, ладно, это все не более чем соображения и мифы среди рифов. Делать что будем?

Понаведемся еще раз к Томиным и соседке Золий?

– И к мужу Паскевич.

– Вот это уволь, сам-сам, – попросил Крячко. – Я даже себе обоих нормальных свидетелей забираю, а громкие имена и прочее – это к тебе. Не ровен час психану – не сдюжу, потом уже и меня придется отмазывать с кички.

– А я, стало быть, терпи, – хмыкнул Лев Иванович.

– Ты – иное дело, человек терпеливый, дипломатичный и без аллергии на громкие имена, – пояснил друг, – тебе и страдать.

Он по-быстрому созвонился с домашними пропавших – на удивление, что Томины, что соседка Золий были доступны, как в первые дни после исчезновения, когда у несчастных руки вечно на телефоне, – и, договорившись о встречах, умчался.

Глава 6

Лев Иванович остался размышлять.

Ответ на вопрос о том, стоит ли прямо сейчас вызывать на разговор мужа Паскевич, ему не представлялся однозначным.

От бытового ханжества он был далек. И не особо-то разделял мысль о том, что между мужем и женой должно быть не более некоего определенного количества лет разницы – иначе петля и костер. Различные ситуации в жизни бывают, и совершенно не обязательно, что если один супруг другого намного младше, то ждет не дождется, как бы овдоветь.

Не в этом суть. А в том, что в ситуации, когда непонятны мотивы людских поступков, общаться напрямую с потенциальным подозреваемым – последнее дело. Когда один из супругов пропадает без следа, то, как бы ни рефлексировали, ни возмущались по этому поводу слезоточивые девы всех возрастов, под подозрение прежде всего попадает тот, кто не пропал.

Все вот эти моменты обычно и подлежат выяснению: какие отношения у них были? Не было ли устойчивого, опасного для семьи романа на стороне? Не было ли конфликтов, прежде всего материального плана – увы, в наше меркантильное время чаще всего катализатором становится именно презренный металл, а не высокие чувства. Ну, там, ревность, страсть и прочее отелловское...

И если исходить из того, что поведал Личман, – а уж кому-кому, ему нет никакого резона лгать, – в семействе Леры Паскевич имеется конфликт прежде всего денег и бизнес-интересов.

Гуров набрал номер жены. Она ответила не сразу, когда же отозвалась, то голос ее звучал недовольно, хотя и радушно:

– Полковник, я по вам, конечно, соскучилась, но не до такой же степени.

– Я тебя тоже люблю, и именно сейчас прямо-таки жажду услышать твое мнение по одному деликатному вопросу.

Жена тотчас сменила гнев на милость:

– О, так это другое дело. Слушаю вас внимательно.

– Точнее, по поводу одной персоны, тебе наверняка знакомой.

– Это какой же?

– Мужа Леры Паскевич. Александр Радаев, так?

– Ах, этот... – помедлив, как-то неуверенно протянула Мария. – Да...

– Вы же знакомы?

– Да в целом мне про него нечего особо сказать, мы общались от силы пару-тройку раз.

– И все-таки. Интересует его художественный образ.

– Мы мало знакомы, – повторила жена.

– Твое виденье.

Подумав, Мария начала так:

– Разница в возрасте у них около пятнадцати лет, что, как ты понимаешь, страшная тайна.

Муж заверил, что понимает.

– В беседах Лера зовет его Сан Саныч, Профессор...

– Двусмысленно, – заметил муж.

Мария призвала к порядку:

– Перестань, пошляк. Это его прозвище у фанатов и комментаторов по обе стороны океана. Ну, там, интеллектуальный стиль игры, спокойствие, расчет, точные прогнозы и прочее в том же духе.

– И что же, и вне льда сам по себе умный?

– Не могу сказать точно, – призналась она, – по причине недостаточности материала для выводов. Показался достаточно приятным, открытым человеком, хотя больше молчал и

слушал. Я бы сказала, что вряд ли что-то способен провернуть сам, но если его поставить на правильный путь и придать импульс...

– Под горочку, – поддакнул Гуров. – Ну а как вообще, ссорились они?

– Не знаю.

– А кто знает?

– Никто. У Леры стальное правило: все, сказанное дома, остается дома. К тому же не забывай – они в последнее время жили в разных полушариях, по поводу чего ссориться-то?

«Как просто у женщин все. Лично люди не общаются – стало быть, ссориться не из-за чего? Какая идиллия, тишь да гладь, вот как раз в такого рода «идеальных» семьях и водятся черти. Все молчком, все замечательно, улыбки лучезарные до ушей, а потом вдруг ни с того ни с сего...»

– Простите, господин полковник, – напомнила о себе супруга, – если вы завершили блиц-допрос...

– Опрос.

– Пусть так. Можно мне заняться своими профессиональными обязанностями?

– Разрешаю, – позволил добрый муж.

«Итак, в семье Радаевых-Паскевичей все великолепно, хотя многознатец Личман утверждает обратное. Верится более ему, и вряд ли кто меня осудит за лишнюю подозрительность. И снова вопрос: имеет ли смысл новый опрос муженька?»

Он еще раз перечитал протокол допроса: прилетел в Москву неделю спустя после исчезновения, очень волновался, искал по знакомым. Нет, не знает, куда она отправилась, конфликтов не было, подозрительных транзакций по картам-счетам не припоминает – «но вы же понимаете, у меня не было доступа к личным финансам супруги».

«Конечно, понимаем-с. Отличный способ защиты: знать ничего не знаю, ведать не ведаю, а вы ищите – вот ваше дело. Классика. Надо бы уточнить, что у них там с бизнесом, сколько на кого и что почем...»

Размышляя над тем, как все-таки лучше поступить, Гуров вдруг вспомнил про совершенно другое дело, в котором еще позавчера необходимо было уточнить момент в «Электронном правосудии», да что-то руки не доходили. Подбив этот должок, случайно ли, инстинктивно ли, или от нечего делать он забил в поисковую строку фамилию «Паскевич».

Глава 7

И в этот момент завибрировал телефон – звонил Личман, легок на помине.

– Слушаю вас внимательно.

Адвокат, помимо обыкновения, начал издали:

– Лев Иванович, доброго дня, как дела ваши?

– Помаленьку, – осторожно отвечал сыщик, – а, собственно, что...

– Да нет, все в порядке, – заверил Личман, – просто вы давеча Радаевым интересовались, мужем Леры Паскевич.

– Допустим.

– Я просто хотел сообщить – возможно, вам это будет полезно, – что он практически тотчас по прилете в Россию инициировал процесс исключения супруги из состава учредителей клуба «Метеор».

«Да, это было от души. Теперь даже с точки зрения формальной, по инструкции, есть все основания трясти безутешного мужа – чего это он так поспешно решает вопрос, который можно решать только при уверенности, что пропавшая не возвратится?»

– Странно, потому что умно, – признал Гуров от чистого сердца. – Я бы сказал, слишком. Не тебя ли он нанял для этой операции?

– То-то и оно, что нет, – пояснил Личман, можно сказать, сокрушенно. – Стал бы я вам докладывать, сами посудите.

– Кто же счастливчик-то?

– В том-то и смысл, что неизвестно, – пояснил адвокат. – Кого ни спрашиваю – все лишь брызжут ядом и плюются, такая добыча – и мимо! Имени же того, кто представляет интересы нашего вдовца соломенного, никто не знает...

– Однако кто-то же должен быть?

Личман, помолчав, начал снова, и в тоне голоса появилось новое звучание, нечто среднее между сожалением и язвой:

– Кто-то быть должен. В противном случае придется предположить, что профессиональный спортсмен с многочисленными сотрясениями мозга прошарился до такой степени, что готов найти оптимальное решение сложной правовой проблемы. Правдоподобно?

– Нет, – признал Гуров. – Но он мог с кем-то посоветоваться.

– В таком случае придется опять-таки предположить, что все мои коллеги не только отменные правоведа, но и сверхталантливые лицедеи. Никто из опрошенных... а их, можете мне поверить, большинство! Да, никто не консультировал Радаева – ни по данному вопросу, ни вообще ни по какому.

«Обиженный адвокат – великая сила, с ним по убойной силе сопоставима лишь обиженная женщина, – философски заключил Гуров, благодаря и прощаясь. – Кто же тогда надумил? Или Профессор не так туп, как кажется. Уж такое прозвище говорящее, не будут же его давать полному идиоту...»

Он случайно глянул на монитор, в поисковую строку «Правосудия» – и, не удержавшись, присвистнул: глянь-ка, по данным системы, Радаев не просто догадался, что делать, он уже составил иск и даже подал его, буквально на днях. Более того, уже вынесено определение о принятии, подготовке к заседанию и прочем...

Что это получается, дорогие товарищи? Все только и толкуют о процессе оглупления масс, между тем нате – первый попавшийся качок на коньках легко разбирается в хитросплетениях корпоративных процессов (в которых, честно говоря, Гуров сам не особо ориентировался).

Он открыл текст судебного определения, принялся изучать. И, сказать по правде, несколько опешил. Из документа следовало, что речь идет не о том, чтобы исключить из состава учредителей г-жу В. Паскевич по причине того, что местонахождение ее неизвестно. Причина была куда круче: она, мол, своими действиями неправомерно завладела суммой – ни много ни мало – в два миллиона триста семьдесят три тысячи денежных средств со счетов ООО «Хоккейный клуб «Метеор».

Учредителей же этого самого «Метеора» было двое – А. А. Радаев и В. В. Паскевич, в равных долях. Судья попалась старательная и скрупулезная, и очень скоро прояснилась картина вопиющего вероломства госпожи Паскевич. Воспользовавшись тем, что по долгу службы соучредитель находился не в России и по характеру занятий не имел возможности контролировать дела общества, коварная, не уведомив его, подала в налоговую инспекцию заявление о внесении изменений в Реестр юридических лиц, на основании которого является единоличным исполнительным органом общества. Причем протокол общего собрания, на котором якобы было принято это решение, был совершенно определенно подделан.

На этом страшная женщина не успокоилась, а переформила на свое имя права на распоряжение расчетным счетом несчастного «Метеора» и далее несколькими траншами перевела на корпоративную карту, которой распорядилась безраздельно, те самые два миллиона триста семьдесят три тысячи. Тем самым, резюмировал грамотный хоккеист, обществу нанесен существенный вред, в итоге чего бедный клуб теперь на грани финансового краха.

«Сработано чистейшим образом. Как минимум потому, что не надо ждать целый год для признания пропавшей безвестно отсутствующей, – размышлял сыщик, – и как интересно подобрана сумма, странная, некруглая, нелогичная. Интересно, куда на самом деле улетели эти деньги? Муж утверждает, что не имеет доступа к карте жены. Однако если он утверждает это в своем иске, то, стало быть, сумма в самом деле изъята, имел место этот факт, и у него есть доказательства...»

И снова Гуров набрал номер супруги.

– Что опять?! Пожар?

– Извини, – кротко и богобоязненно попросил он, – я лишь хотел уточнить: когда вы с Лерой обсуждали финансовые вложения...

– И что?

– Какова была цена вопроса? Сколько от тебя денег требовалось?

– Около двух миллионов четыреста...

– А точнее не припомнишь?

– Два миллиона триста семьдесят три тысячи, – отрапортовала Мария. – Теперь я могу отправиться служить искусству, а не сыску?

«Великолепно. Теперь есть основания предположить два момента: в совокупности стоимость объекта, интересующего Леру, – по всей видимости, усадьбы, турбазы или что там, – составляла без малого четыре миллиона восемьсот. И половина этой же суммы была якобы похищена со счетов «Метеора»... с чего это Лера затеяла переориентацию? Подняв предприятие из руин, вдруг решила забросить его в пыльный угол под лавку – нелогично даже для женщины».

Лев Иванович довольно долго просидел, чертя на бумаге разнообразные схемы и рожицы, но Радаеву так и не решился позвонить. Было стойкое ощущение того, что несвоевременно, да и незачем.

Глава 8

Ближе к вечеру вернулся Станислав, в настроении саркастически-деловом.

– Нет, претензий к коллегам-сыскарям никаких, – начал он с порога, отвечая на незадаанный вопрос, – интересуется наполнение голов господ родственников. Могу понять, когда нет дела до постылого соседа по лестничной клетке, но родная мама – бабушка! Уезжает, ни слова не сказав, разобидевшись, старый человек, и ни у кого ни вопроса не засвербит: куда отправилась? Жива ли? Доехала?

Уцепив суть, Лев Иванович уточнил:

– То есть Томины спохватились не сразу. Конфликты с домашними?

Станислав отмахнулся:

– Что ты как маленький. Само собой, мир в благородных семействах. Я же говорю: каши в головах... – И тут же поправился, делая вид объективности и снисхождения к слабостям ближних: – Хотя, говоря по правде, дамочка весьма специфическая. Вот, если желаешь.

Гуров с первого взгляда оценил представленные коллегой изображения – да уж, при одном взгляде на такое лицо понятно, что беспокоиться за нее не стоит. Типичная хозяйка жизни, повелительница вселенной, с судьбой на самой короткой ноге. Именно такие, к сожалению, и пополняют ряды, вереницы ориентировок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.